

УДК 811.161.1

РУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ СЕМАНТИКИ И ОККАЗИОНАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОРСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ РЕБЁНКА)

Бубнов А.В.

Курский институт социального образования» (филиал) ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет», Курск, Россия (305029, Курск, ул. К.Маркса, 53), e-mail: AL-DrBubnov@ya.ru

---

Цель исследования – комплексный многоуровневый анализ поэмы О. Алексеевой «Пятьдесят паровозиков». Рассматриваются проблемы окказиональности, текстологии, эстетической функции русского языка на материале оригинального сочинения ребёнка – поэмы, текст (а также расшифровка аудиозаписи) которой представляет собой импровизационную бессюжетную заумную композицию, состоящую из строф и синтагм – вариаций на некоторые окказиональные корни или сочетания звуков. Текст подвергается комплексному исследованию. Дается описание уровней окказиональности. Применяется описательный метод, метод контекстологического анализа, а также структурные методы исследования. Материалы исследования могут быть востребованы современной семантикой, лексикологией, лексикографией, онтолингвистикой, а также могут послужить дидактическим материалом для соответствующих спецкурсов.

Ключевые слова: русский язык, семантика, окказионализм, лексикология, детская речь.

RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF CURRENT PROBLEMS OF SEMANTICS AND OCCASIONALITY (ON THE MATERIAL OF THE AUTHOR'S ARTISTIC CHILD'S SPEECH)

Bubnov A.V.

Kursk Institute of social education (branch of the institute RSSU (Russian State Social University)), Kursk, Russia (305029, Kursk, street K.Marx, 53), e-mail: AL-DrBubnov@ya.ru

---

The purpose of the study is a comprehensive multi-level analysis of the poem O. Alekseeva "Fifty steamers." Discusses the problem of occasionality, textual, aesthetic functions of the Russian language on the material of original compositions child – poem, the text (and transcript) which is an improvisational plotless abstruse composition consisting of verses and phrases, variations on some occasional roots or combination of sounds. The text is subjected to a comprehensive study. Describes the levels of occasionality. Used the descriptive method, the context-based analysis, and structural methods. Research materials may be demanded by modern semantics, lexicology, lexicography, first language acquisition, and can also serve as didactic material for the respective courses.

Keywords: english language, semantics, occasionalism, lexicology, the language of children.

Всесторонние исследования в области русского языка имеют огромное значение для современной системы образования [1]. Привлекает к себе внимание тема окказионального словообразования и его семантического осмысления, которая в контексте проблем современного русского языка достаточно хорошо разработана [3]. Лишь в последнее время и в гораздо меньшем объёме эта тема разрабатывается на материале детской речи [6]. Однако некоторые аспекты данной темы до сих пор остаются практически вне сферы изучения лингвистики в целом и онтолингвистики в частности. Это касается определённой стадии развития детской речи, ещё недостаточно сформированной по стандартам нормативного («взрослого») языка и в результате этого «пластичной» для рождения окказионализмов (инноваций), которые в целом обогащают наши представления о потенциях языка и которые, в конце концов, после соответствующего отбора, могут представлять эстетическую ценность,

если рассматривать речь ребёнка с лингвопоэтических позиций, с точки зрения свойств языка художественного произведения. Кроме того, данные проблемы тесно связаны с текстологическими аспектами, а также с проблемами трактовки элементов текста на всех его уровнях. Наиболее близка к такому пониманию проблем работа С.С. Шляховой [8], которая классифицирует детскую заумь, выделяя, в частности, заумь фонетическую (футуристскую), соотносящуюся с нашими исследованиями. Однако такого рода заумь отнесена С.С. Шляховой либо к более раннему возрасту ребёнка (неосознанное артикулирование в 7–8 месяцев), либо к относительно более позднему возрасту (осознанная «тарабарская» речь 3,5 – 4 лет), что не совпадает с нашими исследованиями, предметом которых являются случаи своеобразного «синтеза» этих двух типов детской зауми в возрасте от 2 до 3 лет.

Объект исследования – авторская художественная речь ребёнка. Предмет исследования – текст, зафиксированный в аудиозаписи и представляющий собой поэму, в итоге названную нами «Пятьдесят паровозиков» [5]. Вариант расшифровки фрагмента поэмы даётся ниже в настоящем исследовании. Материал исследования – аудиозапись общей продолжительностью 6 минут 16 секунд. Аудиозапись представляет собой речь ребёнка – Оли Алексеевой. Её возраст на момент записи – 2 года и 7 месяцев. Ценность материалов аудиозаписи для филолога (и в целом для слушателя) определяется тем, что речь ребёнка на записи трактуется нами как речь художественная в форме оригинальной импровизационной поэмы либо части такой поэмы. Аудиозапись, произведённая в марте 2014 года родителями Оли Алексеевой, не подвергалась в дальнейшем никаким изменениям, обработке и/или монтажу.

Цель исследования – комплексный многоуровневый анализ поэмы О.Алексеевой «Пятьдесят паровозиков».

Результаты исследования могут быть востребованы современной семантикой, онтолингвистикой, лексикографией, текстологией, поэтикой, стиховедением, а также могут послужить дидактическим материалом для соответствующих курсов и спецкурсов, преподаваемых в средних специальных и высших учебных заведениях.

Методы исследования – описательный метод, метод контекстологического анализа, а также структурные методы исследования.

Проблема окказиональности в теме детской речи и в онтолингвистике имеет свою специфику. Чем больше окказиональных слов в тексте, тем менее прозрачен его семантический уровень. При рассмотрении уровней окказиональности, доходящей в итоге до явно заумного текста, следует пропустить хорошо изученный первый уровень – эпизодическую («разовую») окказиональность, когда одно авторское слово в тексте соседствует со многими узуальными словами. Второй уровень – тот, при котором с

применением множества окказионализмов грамматика текста остаётся прозрачной (присутствуют окказионализмы, не затрагивающие служебные части речи и не использующие искажений в грамматике). Переходным уровнем окказиональности можно было бы назвать уровень «замены» корней слов на окказиональные, при сохранении служебных частей речи в неизменном виде в тексте с «говорящими» аффиксами; примеры сочинений на русском языке – знаменитый в среде лингвистов эксперимент Л.В. Щербы «Глокая куздра...», а также «Бармаглот» Д. Орловской, «Пуськи бятые» Л. Петрушевской и т.п. Отметим, что художественные тексты с таким уровнем окказиональности очень позитивно воспринимаются детьми.

Наконец, в редких случаях наблюдается третий уровень окказиональности – уровень «максимальной» зауми, с «тотальной» окказиональностью и наивысшей степенью эксперимента. Этот уровень характеризуется неопределённостью морфем, затемнённостью или вариативностью семантики и синтаксиса; допускаются единичные узуальные слова, однако они в целом не определяют общий характер «тотальной» зауми / окказиональности, когда эти две категории начинают «работать» совместно. Определяющие черты третьего уровня – непрозрачность грамматики, сложность в определении принадлежности слов к конкретным частям речи. Часто этот уровень сравнивается с саунд-поэзией, с музыкой в целом, когда текст может выходить за рамки свойств конкретного языка, становясь «наднациональным». В намеренно заумном стиле – это пример Кручёных с его знаменитым стихотворением «дыр бул щыл...» [2]. В детском фольклоре – это примеры различных считалок («эни-бени...»), имитаций иностранной речи («...по-турецки говорил: «Чаби-челяби, челяби-чаби-чаби!») и т.п. Однако авторский (не фольклорный) пласт подобных экспериментов в детской заумной речи ранее не рассматривался. Уровень «наднационального» в какой-то мере подтверждается интересом к «русской» зауми у зарубежных исследователей, в том числе и детской зауми, которая рассматривается Дж. Янечком (G. Janesek) в контексте традиций русского футуризма в объёмной монографии «Zaum» [10]. Этот же автор даёт свою классификацию видов зауми [9], но, как и во многих других аналогичных случаях анализа зауми, это не связывается ни с уровнями окказиональности, ни с детским восприятием «недетской» зауми и заумными высказываниями самих детей, тем более их оригинальными авторскими высказываниями.

Кроме окказионального и семантического аспектов исследуемой проблемы следует остановиться на аспекте эстетическом и задаться вопросом, насколько может быть эстетически значимой речь ребёнка, помимо естественной значимости (связанной с коммуникативной функцией языка) в рамках близкого общения членов конкретной семьи, в которой растёт ребёнок. Понятно, что типичная «бытовая» речь ребёнка, представленная

в соответствующих текстах, изучаемых онтолингвистикой, в целом, за редким исключением, не может являться предметом серьёзного рассмотрения с точки зрения эстетической функции языка. Условно можно назвать этот уровень первым.

Более высокий – второй – эстетический уровень начинается тогда, когда текст ребёнка отличается непохожестью на другие аналогичные тексты, когда этот текст достаточно оригинален, чтобы, в конце концов, на следующем – третьем – уровне говорить о тексте как о литературном сочинении [2]. Особенно интересны редкие случаи намеренно заумных импровизаций детей, связанных с их фантазиями, выраженными в многочисленных окказионализмах. Разумеется, объектом исследования в данном случае является не собственно заумный язык и связанная с ним заумная речь, а язык заумного сочинения, заумь поэтическая. Кроме того, заумная речь ребёнка может и не быть спонтанной, а литературное сочинение в результате этой речи (спонтанной либо нет) может обрести одну из поэтических форм, а именно – форму поэмы, как в нашем примере.

Нам представляется, что начало разработки темы спонтанной заумной речи ребёнка как литературного сочинения следует связать не с отдельными небольшими сочинениями детей (а точнее и честнее, их более или менее случайными высказываниями), а сразу с крупного сочинения одного ребёнка – с целью заявки на (возможно) новый жанр, тип, вид художественно-научного (литературно-филологического) проекта. Поэма «Пятьдесят паровозиков» О.Алексеевой послужит такой заявкой.

Своё название поэма получила благодаря узуальной одноимённой последней строке, которая контрастирует с остальным текстом поэмы и очевидно завершает общую композицию поэмы. Фактически автор произносит последнюю строку поэмы таким образом: «Пятьдесят паровозик». Флексия формы родительного падежа существительного в тексте поэмы (и названии) «восстановлена» как исключение: предполагается, что О.Алексеева недостаточно владеет синтаксисом речи и/или (в данном случае) средucedировала окончание.

На лексическом и лексикографическом уровнях определяющим обстоятельством научного и художественного интереса к поэме О.Алексеевой явился тот факт, что абсолютное большинство слов поэмы представляют собой окказионализмы. Как отмечал ещё более чем полвека назад Г. Пауль, «самые резкие отклонения от узуса наблюдаются в речи детей. Чем менее полно и менее прочно запечатлелись те или иные слова и формы, тем меньше препятствий встречает новообразование, тем больше у него простора» [4].

В развитии практически каждого ребёнка наступает период таких возможных заумных импровизаций, когда, по Паулю, уже «запечатлелись те или иные слова и формы», но ещё неполно и непрочно, однако вполне достаточно, чтобы «сложить»,

сверсифицировать вполне оригинальное поэтическое сочинение (и тут же его забыть). Именно в этот момент важна роль тех (взрослых), кто понимает ценность данного акта и кто вовремя включает диктофон.

С учётом опыта понимания зауми Велимиром Хлебниковым и Алексеем Кручёных, поэма Оли Алексеевой – это новая «линия» зауми, параллельная, а может быть, пересекающаяся или сочетающаяся с так называемой «линией Кручёных», в отличие от «линии Хлебникова», согласно теории А.Н. Чернякова, который характеризует данные «линии» зауми следующим образом: «Кручёных тем самым квалифицирует заумный язык как принципиально открытую систему, актуализирующуюся только в момент своего непосредственного порождения/функционирования и имеющую вследствие этого исходно нерегламентированный характер» [7]. Именно тезисом о регламентированности / нерегламентированности исследуемая нами «линия Алексеевой» несколько отличается от «линии Кручёных». В плане поэзии и поэтики сочинение О.Алексеевой носит регламентированный характер – поэма «Пятьдесят паровозиков» выстроена композиционно. Однако феномен этой поэмы состоит в сочетании обоих принципов, описанных Черняковым: регламентация происходит с «моментом непосредственного порождения» системы заумного языка. Уточним, что в нашем исследовании этот язык изучается, в том числе и как язык авторского поэтического сочинения.

Дополним эту краткую типологию «линий» зауми напоминанием, что квинтэссенция «линии Хлебникова» состоит в понимании заумного языка как коллективного (надындивидуального). Конечно, некоторые элементы хлебниковской концепции при желании можно найти в поэме «Пятьдесят паровозиков», в которой встречаются узуальные слова общего (или «коллективного») языка (до 14 процентов от всех слов, исключая служебные), но, конечно, не они определяют стиль поэмы О.Алексеевой – поэмы в целом заумной, спонтанной, импровизационной, но самое главное – поэмы достаточно объёмной и выстроенной макрокомпозиционно, в отличие от многих непродолжительных детских высказываний, записи (видеозаписи) которых в Интернете можно найти по словосочетанию «детский лепет», но которые не представляют собой сколько-нибудь серьёзного интереса ни в плане художественного качества текстов, ни в плане лингвопоэтики. Аналогично, с точки зрения онтолингвистики, так называемая «лепетная речь» (а также «модулированный лепет») ребёнка не является актуальной для настоящего исследования, поскольку лингвопоэтика зауми в «лепетах» весьма стандартна, схематична, неразвита, недостаточно креативна.

В поэме «Пятьдесят паровозиков» мы наблюдаем максимальный «простор» для окказионализмов. Поэму вообще можно было бы назвать «антиузуальной». Следует

отметить несомненную сосредоточенность ребёнка на своих импровизациях в течение всех 6 с лишним минут непрерывной записи, а также выразительность интонаций, артистичность «чтения».

Обязательным этапом в изучении такого рода речи является её расшифровка – текстовая письменная запись. Поскольку О.Алексеева слышала пока только русскую речь в своём окружении, то естественным было бы записать её речь с помощью букв современного русского алфавита. При затруднении в определении соответствующей буквы выбиралась та (или сочетание), которая из всех букв алфавита наиболее близко смогла бы передать тот или иной звук (звуки) речи.

Даже в случаях явного узуса орфография в тексте поэмы, за редким исключением, не «доставалась» до нормативной словарной, а сохранила изначальный стиль, в какой-то мере отвечающий принципам орфографической записи детской речи в документах и методических материалах по дошкольному образованию и коррекционной педагогике. Исключение допущено для последней строки поэмы, избранной основой для названия всего сочинения («пятьдесят паровозик»), которая записана нами как «пятьдесят паровозиков».

Ниже приводится фрагмент расшифровки текста поэмы (аудиозапись [5]; строфы 21–27, нумерация строф – в круглые скобки; одной косой чертой разделены строки в пределах строфы, двумя чертами разделены строфы): «а потАди дигиедЫнк / хумк / фанадИдужуги / пинк / (х)вАтит / саводАдизги (21) // модАйовы свОйлизги / бид / свалЯндзвуки (22) // а тодАти / занадИдужийви (23) // ду ду / а тА / фЭмэн / кОйби / хУзбеки / [несколько слогов нрзб.] ...Аблизги (24) // матадАдизыги дизг гэб / салЯнзки / то то (25) // к! / шЕдизги / диздЭ / вОльнек / вольнодИнек (26) // кинАдак / кОлет / надИдазги (27)». Ударения обозначены прописными буквами. Разграничение строк и слов определялось речевыми цезурами, акцентами, интонацией. Пунктуация не проставлена намеренно, поскольку данный заумный текст «открыт» для интерпретаций, да и в целом, отсутствие пунктуации – это свойство многих современных поэтических текстов.

Одно из решающих отличий стиля поэмы «Пятьдесят паровозиков» от типичной детской фольклорной и «тарабарской» зауми – отсутствие близких друг к другу повторов слов, слогов, а также сегментов слов по принципу отзвучия. При этом заметны повторы с вариациями и с элементами симметрии на уровне квазиморфем и оригинального ритма речи на более длинных «расстояниях», что свидетельствует о макрокомпозиционном мышлении автора: «а потади» – «а тодати» (через 10 слов), «хумк» – «пинк» – «бид» (односложные слова на «фоне» гораздо более длинных, через 1 и через 4 слова соответственно), «свойлизги» – «аблизги» и т.п.

В плане лексического состава из всех представленных здесь слов лишь два с некоторой долей уверенности можно отнести к узуальным – «хватит» и «колет». Остальные слова – окказионализмы с большей или меньшей степенью прозрачности семантики и морфологии. В строфах 26–27 у некоторых слов вполне ясно определяются суффиксы -ик («хузбики»), -ек («вольнек»), -ак («кинадак»). Другие слова проявляют некоторое общее сходство: например, близки по внешней форме слова «свалЯндзвуки» (строфа 22) и «салЯнзки» (строфа 25). Это позволяет хотя бы предположить морфемный состав похожих друг на друга слов.

Отдельно следует остановиться на синтагмах, начинающихся с [а]. Нам представляется, что данный звук правомерно трактовать в данных позициях как союз «а», аналогично со стилем стихотворения Д. Хармса «Врун»: «А вы знаете, что НА? / А вы знаете, что НЕ? / А вы знаете, что БЕ? / Что на небе / Вместо солнца / Скоро будет колесо?». Ср. «а потАди дигиедЫнк хумк», «а водАди исвИзги тынк» (О. Алексеева). Кроме того, весь наш опыт общения с детьми говорит нам о весьма частотном употреблении детьми союза «а» в самом начале предложений (в начале речевого акта): «А мы с папой ходили гулять в парк!», «А посмотри, какой смешной котёнок!», «А давай поиграем!», «А почему небо синее?» и т.п.

Строфика и синтагматика – и это очень важно для всего проекта в целом – в данном сочинении просматривается весьма рельефно. Именно строфическо-синтагматическая композиция определяет и структурирует поэму.

Нумерация строф условна, но концептуальна. Последняя строфа, давшая название поэмы и состоящая из 2-х слов («пятьдесят паровозик»), нумеруется как 50-я. А поскольку в полную фонограмму не вошло начало поэмы, то обратное от 50-й строфы распределение номеров определяет в итоге первую звучащую строфу как 20-ю. Поэтому условно аудиозапись начинается с середины 20-й строфы. Таким образом, если некоторые произведения (стихотворения, поэмы и даже симфонии) именуется как «неоконченные», то поэму «Пятьдесят паровозиков» можно было бы назвать не без доли юмора как «неначатую», или как поэму «без начала». При этом начало у поэмы было наверняка, но оно не зафиксировано в аудиозаписи, а в данном жанре это условие определяющее (нет записи – нет и сочинения / фрагмента сочинения). Некоторые синтагмы («вставки», «интерлюдии») между строфами (синтагмами), контрастирующие с соседними строфами по звуку и по композиции, причислялись либо к предыдущей строфе (как добавление после «финала» какой-либо строфы), либо – что реже – к последующей строфе (как своеобразная синтагма-«прелюдия»). Обычно максимум силы звука приходится на первые строки строф (синтагм), а затем происходит ниспадающая интонация с затухающей силой звука.

Заключение. Анализируемое сочинение «Пятьдесят паровозиков» представляется нам как своеобразная экспериментальная бессюжетная заумная «антиузуальная» поэма, состоящая из строф и синтагм – вариаций на некоторые окказиональные корни или комплексы звуков; иначе говоря, выходя уже за пределы филологии, поэма приближается к форме музыкальных вариаций с элементами глоссолалий. При этом поэма вполне описывается в лингвистических терминах с учётом новых аспектов лексикологии, окказиональности, текстологии и эстетической функции русского языка, которые требуют дальнейшего изучения на материале спонтанной авторской речи ребёнка.

Список литературы

1. Беспарточный Б.Д., Медведев И.Н. Регионализация профессионального образования – веление времени // *Фундаментальные исследования*. – 2008. – № 9. – С.70.
2. Бубнов А.В. Спонтанная заумная речь ребёнка как литературное сочинение. – Курск, 2014. – 16 с.
3. Изотов В.П. Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. – Орёл, 1998. – 341 с.
4. Пауль Г. Принципы истории языка. – М., 1960. – С. 138.
5. «Пятьдесят паровозиков» (фрагмент аудиозаписи поэмы Оли Алексеевой). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yadi.sk/d/KskObqrGdZwga> (дата обращения: 23.12.2014).
6. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. – М.: Знак, 2009. – 362 с.
7. Черняков А.Н. Метаязыковая рефлексия в текстах русского авангардизма 1910–20-х гг.: автореф. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2007. – С. 11.
8. Шляхова С.С. «Что думают лошади, когда их никто не видит»: заметки о русской детской зауми // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки*. – 2006. – № 1 (43). – С. 19-26. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ka2.ru/nauka/shliakhova_1.html (дата обращения: 3.12.2014).
9. Janecsek G. A Zaum' Classification. – *Canadian-American Slavic Studies*, 20. – 1986. – Nos. 1-2. – P. 37-54.
10. Janecsek G. *Zaum: The Transrational Poetry of Russian Futurism*. – [San Diego]: San Diego State University Press, 1996. – P.21-26.

Рецензенты:

Климас И.С., д.фил.н., профессор, профессор кафедры русского языка Курского государственного университета, г. Курск;

Коковина Н.З., д.фил.н., доцент, профессор кафедры литературы Курского государственного университета, г. Курск.